

УДК 327(47+57:55)(091)»18»

БРИТАНО-РОССИЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ КАК РЕАКЦИЯ НА ПОПЫТКУ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО УКРЕПЛЕНИЯ РОССИИ В РЕГИОНЕ В 1830-х гг.

© 2017 Д.В. Васильев¹, С.Д. Васильев²

¹ Российская академия предпринимательства, г. Москва

² Санкт-Петербургский государственный университет

Статья поступила в редакцию 30.03.2017

В статье рассматривается геополитическая роль Герата в контексте международных отношений на Среднем Востоке, анализируется динамика политических отношений стран, участвовавших в первом гератском конфликте. Показано влияние России и Великобритании на формирование внешнеполитического курса иранского правительства. Особое внимание уделено миротворческой миссии Яна Виткевича, направленной на формирование тройственной коалиции Ирана, Афганистана и Герата, что могло на некоторое время отложить обострение межгосударственных противоречий вообще и отношений между Великобританией и Россией в частности. Гератский кризис превратил Россию в посредника в англо-иранских отношениях, фактически изменив роль страны по сравнению с той, которую она играла здесь в первой трети XIX столетия.

Ключевые слова: российско-иранские отношения, Гератский кризис, Ост-Индия, Афганистан, Средний Восток, Дост Мухаммед-хан, Я.В. Виткевич, И.О. Симонич.

Целью настоящей статьи является попытка рассмотреть геополитическую роль Герата в контексте международных отношений на Среднем Востоке, проанализировать динамику политических отношений стран, участвовавших в первом гератском конфликте.

Отечественная историография гератского кризиса 1830-х гг. представлена недостаточно широко. Несмотря на то, что в ряде работ содержится обстоятельное описание событий 1837-1838 гг. (причина и развязка конфликта, военные действия)¹, эта тема остается не до конца изученной, а установившиеся трактовки во многом дублируют традиционные тезисы британских исследователей. Отдельного внимания заслуживает труд М. Ниязматова, где гератскому кризису посвящена целая глава². Безусловной заслугой автора является то обстоятельство, что он рассматривает эту проблему в широком контексте российско-британо-персидско-афганских отношений на протяжении всего XIX столетия.

Герат в контексте международных отношений на Среднем Востоке в 1830-е гг.

В 1836 г. в Лондоне был опубликован политический памфлет британского посла в Тегеране Джона Макнила «Продвижение и существующее положение России на Востоке», который он посвятил изображению персидской политики Российской империи как части ее экспансионистских намерений в отношении восточного

региона вообще, создающих непосредственную угрозу английским колониальным владениям в Ост-Индии. Русско-персидские и русско-турецкие войны были показаны им как начальный этап широкомасштабных действий, угрожающих британским интересам. Отсюда делался вывод о необходимости более серьезного отношения к российской политике в Персии. Его предложение не допустить сближения двух государств диктовалось не только необходимостью предотвращения российской агрессии, но и стремлением устранить Россию как своего главного конкурента с персидского рынка.

Что касается цели российского правительства на Среднем Востоке, то Макнил видел ее в том, чтобы «уменьшать наши (британские. – Д.В., С.В.) доходы и вынудить в значительной степени увеличивать наши расходы в Индии, где наши финансы даже теперь ограничены, чтобы нарушить в мирное время всю систему правления в этой стране, угрожать вторжением и войной, выступить против нашего морского и коммерческого превосходства и своей мощью всколыхнуть нашу империю на Востоке»³. Единственным способом выхода из ситуации он считал оказание давления на Петербург, действенным средством достижения которого могло стать заключение союза между Великобританией и Ираном.

Вряд ли можно сомневаться, что близость Макнила британскому премьеру лорду Мельбурну и главе Форин Офиса лорду Пальмерстону делала этот памфлет почти официальной декларацией лондонского кабинета. Так или иначе, но к концу 1830-х гг. антироссийская пропаганда из британской столицы усилилась.

Васильев Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные и правовые дисциплины». E-mail: dvvasiliev@mail.ru
Васильев Сергей Дмитриевич, студент Восточного факультета. E-mail: rokiserg@yandex.ru

Одновременно в ост-индской столице Калькутте завершалась разработка британского плана вторжения в Афганистан с целью свержения эмира Дост Мухаммад-хана, проявлявшего заметную симпатию российской стороне. Своей практической задачей в этом контексте англичане считали изоляцию от Афганистана Бухары и Хивы, предотвращение участия в конфликте Персии, а самым желанным стало бы формирование в Восточном Прикаспии антироссийской коалиции мусульманских государств.

Ситуация для британцев складывалась достаточно благополучно. Россия, поддержав восшествие на престол в Тегеране Мухаммад-шаха, взяла таким образом на себя ответственность за все действия его правительства. Дост Мухаммад-хан, прикрываясь переговорами с Петербургом, активизировался в направлении ликвидации независимости владений членов династии. Вполне устраивавшие Россию действия Тегерана и Кабула, направленные на укрепление национальной государственности, вызвали рост недовольства правящими режимами и таким образом косвенно играли на руку англичанам. При этом и в деятельности российского правительства на Среднем Востоке не следует видеть исключительно благие намерения. Поддерживая тесные отношения с Ираном и Афганистаном, Петербург стремился оказать давление на Англию с целью добиться ее уступок на театрах Ближнего и Среднего Востока и получить поддержку в решении турецкого вопроса (в первую очередь вопроса о черноморских проливах).

В этих условиях камнем преткновения в политике четырех держав становится Герат, бывший когда-то персидским владением, но получивший в предыдущем столетии независимость и тяготевший к Афганистану. Несмотря на то, что он уже утратил свое бывшее торговое могущество как перекресток путей из России, Средней Азии, Афганистана, Индии и Китая, город-крепость продолжал сохранять значение как важный стратегический пункт, оставаясь предметом спора между Афганистаном и Ираном. Активным игроком в этом вопросе стала Великобритания, опасавшаяся усиления поддерживавшейся Россией Персии.

Россия пыталась удержать шаха от неосторожных действий, совершенно справедливо опасаясь втягивания в конфликт Великобритании и Афганистана, но в октябре 1837 г. персидское войско под командованием Мухаммад-шаха осадило Герат. И хотя, как считают некоторые исследователи, этот поход носил демонстративный характер⁴, Россия оказалась втянутой в него благодаря требованию шаха привлечь к участию в нем русский корпус, составленный из дезертиров и перебежчиков, оставшихся на территории Персии после последних российско-иранских боевых действий.

С целью прекращения военных действий несколько прежде из российской столицы в Тегеран и Кабул с дипломатическими полномочиями был направлен сотрудник Оренбургской пограничной комиссии Я.В. Виткевич⁵. Перед ним стояла задача способствовать примирению внутри афганской правящей элиты и убедить афганцев в необходимости заключения с Персией мирного договора. Эти действия убеждают в том, что Россия намеревалась сформировать новый политический порядок в регионе и стать его гарантом. Есть мнение, что миссия Виткевича должна была оказать содействие в решении некоторых торгово-экономических вопросов, в частности, укрепить финансовую систему Афганистана. Именно с этой целью российскому посланцу были вручены 2 млн руб. наличными, а также товары на ту же сумму⁶.

Тройственная коалиция в планах миссии Я.В. Виткевича

То обстоятельство, что, находясь под Гератом в конце октября 1837 г., Ян Виткевич пользовался полной свободой передвижения и за его шагами не был установлен контроль с персидской стороны, свидетельствует о том, что идея союза Персии и Афганистана под патронатом России была принята и одобрена иранским правительством.

В ноябре Виткевич прибыл в Кандагар, где встретился с правителем провинции Кохендильханом, который с пониманием отнесся к российскому предложению объединиться во имя противостояния внешним опасностям. Это означало и его принципиальное согласие с идеей формирования региональной политической оси Кабул-Кандагар-Тегеран. Идея, впервые сформулированная на переговорах тегеранского посла Ходжи Хусейн-Али в Петербурге (1837), таким образом начала свою политическую реализацию.

До своего отъезда в Кабул Виткевичу удалось встретиться в Кандагаре с британским филологом и разведчиком лейтенантом Робертом Личем, который весьма откровенно посвятил российского дипломата в некоторые детали работы британских спецслужб на Среднем Востоке. В частности, о деятельности миссии Александра Бернса в Кабуле, которая, кроме заявленной цели переговоров об открытии Афганистана для свободной торговли, пыталась осуществить попытку срыва переговоров о заключении тройственного союза. Следует согласиться с мнением М. Ниязматова, который утверждает, что переговоры англичан в Кабуле «...должны были послужить решению двуединой задачи: во-первых, предотвратить сближение Дост Мухаммад-хана с Мухаммад-шахом и баракзайскими правителями, воспрепятствовать созданию коалиции Афганистана и Персии и Кандагара, во-вторых – подорвать политические и торгово-

экономические позиции России в регионе. <...> Нельзя, разумеется, упускать из виду и «гератский кризис». Находясь в Кабуле, миссия имела возможность точно оценить реакцию руководства Афганистана на осаду персидским войском Герата, дать толчок дальнейшему обострению и без того непростых отношений между двумя соседними государствами»⁷.

Не ограничиваясь воздействием исключительно на кабульское правительство, Бернс разослал сотрудников своей миссии в Кундузское ханство, в княжества Вахан, Сарыкол и в Кандагар. Сам же не покидал афганскую столицу, дабы не терять контроля над Дост Мухаммад-ханом. И в самом конце октября 1837 г., когда в Кандагаре радушно встречали персидского посланника, афганский эмир колебался, отказываясь от шагов навстречу российской инициативе. В этой обстановке 19 декабря 1837 г. в Кабул прибыл Я.В. Виткевич, доставивший эмиру письмо российского министра иностранных дел К.В. Несельероде и послание кандагарского правителя Кохендиль-хана с предложением мира и союза.

Как сообщает С.Н. Южаков, «...в то самое время, когда Англия, оберегая Афганистан, лелеяла мечту создать из него верный и сильный оплот для Индии с северо-запада, в это время русский офицер по фамилии Виткевич пробрался в Кабул, был очень радушно принят Дост Мухаммедом и склонил эмира искать союза и протектората России»⁸.

Но А. Бернс не складывал руки, надеясь использовать Пешавар в качестве разменной монеты для того, чтобы склонить эмира на свою сторону. Он постоянно давил на эмира, правительство Британской Индии в Калькутте придумывало свои проекты, в то время как Я. Виткевич, наладивший при посредстве России диалог между Тегераном, Кандагаром и Кабулом, выжидал. И не напрасно. В конце 1837 г. - начале 1838 г. Тегеран и Кандагар обменялись дипломатическими миссиями, кандагарские посланники стали частыми гостями в Кабуле. Российская идея тройственной коалиции стала основой для сближения Персии, Кандагара и Афганистана.

Одновременно (в январе 1838 г.) Бернс получил депешу из Калькутты, которая фактически дезавуировала его обещания эмиру. Она требовала от Кабула снять свои притязания на Пешавар, ограничить дипломатическое взаимодействие с Персией и Россией, угрожая разрывом отношений⁹. Британо-афганские отношения обострились.

Дост Мухаммад-хан, безусловно, был разочарован. Слова, сказанные им А. Бернсу, свидетельствуют как о причинах колебаний между российской и британской позициями, так и о готовности эмира пойти на открытый конфликт

с англичанами: «Я вижу, что Англия не дорожит моей дружбой. Я стучался к вам в дверь, но вы меня отвергли. Правда, Россия слишком далеко: но через Персию... может мне помочь... Я многого ожидал от вашего правительства, я надеялся на защиту и на расширение Афганистана... Теперь я вполне убежден; приписываю это, впрочем, не немилости Англии, а несчастной судьбе. Справедливо сказано, что на Творца, а не на тварей должен человек возлагать упование»¹⁰.

Действенной же реакцией эмира стало кардинальное изменение отношения к миссии Я. Виткевича. Он согласился с предложенной Россией конструкцией: принял предложение Кандагара о мире и дружбе, а Тегерана – о союзе и совместных действиях против гератского правителя Камрана-Мирзы¹¹. Перспектива юридического оформления тройственной коалиции была не за горами.

В конце апреля 1838 г. А. Бернс, а следом за ним и Я. Виткевич покинули Кабул. Лондон и Калькутта начали новую волну информационной пропаганды против России, обвиняя ее в стимулировании антибританских настроений и подталкивании Кабула к войне с Пенджабом и подзуживании Персии к походу на Герат. Одновременно правительство Британской Индии получило карт-бланш на подготовку военного вторжения в Иран и Афганистан. Были использованы все силы для того, чтобы нейтрализовать деятельность Виткевича, но напасть на его след не удалось. Самоотверженный и мудрый российский дипломат уверенно шел к цели, а его миссия, направленная на мирное разрешение внутрорегиональных противоречий, оказала заметное влияние на политическую динамику на Среднем Востоке.

В мае Ост-Индия сосредоточила свою разведывательно-диверсионную работу в направлении Герата и Лахора. Британское военное-политическое присутствие в Герате было усилено. В иранский походный лагерь под крепостью прибыл английский посол в Тегеране Джон Макнил. Эта перегруппировка убеждает, насколько серьезно было воспринято политическое укрепление России в Персии и Афганистане и изменение расстановки политических сил. Именно Герат британцы считали самым уязвимым звеном в обороне Индии, способным открыть прямую дорогу ожидавшейся российской агрессии. При этом в расчет не принималось, что у Петербурга не было не только соответствующей военной доктрины, но и на то время объективных ресурсов для вторжения в регион.

В условиях надвигающейся войны британцы стали предпринимать шаги, призванные отвлечь внимание будущих участников конфликта. Так, персам было предложено провести

переговоры с лидерами Герата с целью заключения перемирия. Макнил, проникнув в Герат, уговаривал тогдашнего правителя Герата Камран-Мирзу выждать несколько месяцев до того, как Англия решит проблему с персидской армией. Поддерживаемые морально и материально британцами гератцы регулярно направляли в персидский лагерь парламентариев, обещая вот-вот сложить оружие.

На этом фоне 27 мая британская миссия покинула иранский лагерь, а 7 июня туда прибыл Ян Виткевич, прошедший через переговоры с правителем Кандагара – Кохендиль-ханом. Собранные Виткевичем дипломатические материалы были переданы И.О. Симоничу для подготовки письменного текста договора между Афганистаном, Персией и Кандагаром с участием Российской империи.

Осада Герата шла чрезвычайно медленно, неэффективно и бездарно. Весьма интересное и детальное описание осады Герата сохранилось в воспоминаниях участника российской миссии в Персии И.Ф. Бларамберга¹².

На пути к британской агрессии

В то время, когда Россия предпринимала системные попытки наладить мирное сосуществование Афганистана, Персии и Кандагара, в условиях строжайшей тайны в Пенджабе под руководством англичан готовилось Лахорское соглашение между Британской Индией, Пенджабом и бежавшим братом афганского эмира Шуджи-уль-Мулька. Это соглашение предусматривало вооруженное вторжение в Афганистан и соседние территории, свержение местных правительств и территориальное реформирование региона. Главной движущей силой этого процесса должна была стать Британская Индия, намеревавшаяся посадить на эмирский престол в Кабуле своего ставленника Шуджу-уль-Мулька. Не менее важно отметить, что в результате реализации этого плана весь Синд должен был отойти к Ост-Индии, Пешавар и еще несколько восточных афганских княжеств – к Пенджабу, а объявленный свободной зоной Герат должен был перейти под контроль британской администрации. Все новые правительства должны были санкционироваться Калькуттой¹³. В июле 1838 г. все стороны без оговорок подписали Лахорское соглашение, ставшее основой для старта эскалации напряженности в регионе.

Повсюду в зоне оперативного действия англичан стали появляться британские военные советники, в ост-индской ставке в Симле разрабатывался план военных действий. По первоначальному замыслу военный бросок должен был быть молниеносным. К лету формирование 60-тысячной группировки войск Британии и

ее сторонников («армия Инда») противостояло около 15-17 тысяч войска афганского эмира и кандагарского правителя. Препятствием на пути реализации захватнических планов была лишь Россия, на нейтрализацию которой была направлена дипломатическая работа англичан.

Первую проверку российской позиции они осуществили в Персидском заливе, захватив в июне иранский остров Харг и город Бендер-Бушир. В июле в персидский лагерь под Гератом прибыл английский военный атташе в Иране полковник Стоддарт с нотой, в которой осада Герата признавалась прямым актом агрессии против Индии, и в ней содержалось ультимативное требование немедленного отвода войск. Российская миссия в Тегеране медлила, безосновательно надеясь на возможность мирного решения конфликта.

4 сентября 1838 г. подготовка текста договора об образовании Тройственной коалиции была закончена, и Я.В. Виткевич покинул персидский лагерь, отправившись для его подписания в Кандагар и Кабул. Петербург проявлял сдержанность. Вице-канцлер К.В. Нессельроде тщетно пытался убедить Лондон в отсутствии агрессивных намерений¹⁴. Вскоре Персия начала отвод войск из-под Герата. Это решение, вопреки наиболее распространенному мнению, было вызвано не только и не столько нерешительностью российских действий, сколько политическими и военно-тактическими соображениями. Осада Герата показала безнадёжность ее продолжения, в особенности перед лицом скопления британских войск и неизбежностью их вторжения в Афганистан. В то же время провокации в Персидском заливе требовали укрепления обороноспособности собственно Ирана.

Снятие осады с Герата устранило повод для конфронтации. Но оставались переговоры об образовании Тройственной коалиции. И тогда Форин Офис свалил на посла Симонича ответственность за развязывание гератского кризиса, обвинив его в сокрытии миротворческой деятельности британского правительства¹⁵. 1 октября 1838 г. генерал-губернатор Британской Индии Окленд обнародовал декларацию, в которой обвинил Дост Мухаммад-хана в антибританской политике и заявил о необходимости «восстановить» на престоле шаха Шуджа-уль-Мулька, гарантировав в этом помощь армии Ост-Индской компании.

Правительство Николая I, продолжая попытки увещевания англичан сохранить мир на Среднем Востоке, представило конструктивную программу урегулирования политической ситуации. Что же касается гератского кризиса, то, надо признать, Россия твердо стояла на стороне Персии в ее законном желании «...обеспечить

безопасность своих подданных против постоянных нападений... Если персидский шах, вопреки советам императорского правительства, начал поход против Герата, то винить в этом роковом предприятии Россию, по меньшей мере несправедливо». Нессельроде утверждал, что «Великобритания, как и Россия, должна иметь в виду один и тот же интерес, а именно: поддержать мир в Средней Азии и предупредить возникновение в этой обширной части света общего пожара»¹⁶.

28 октября 1838 г. британский посол в Петербурге маркиз Кланрикард в специальной ноте российскому МИД признал обоснованность российских требований о выводе английского флота из Персидского залива и освобождении территорий, захваченных в период гератского кризиса. С пониманием к российской позиции отнесся и английский премьер Мельбурн. Позиция же Форин Офиса оставалась бескомпромиссной¹⁷.

В этой остановке, не желая провоцировать англичан и открыто вмешиваться в англо-персидский конфликт, а также надеясь на возвращение Ирану захваченных Англией территорий, Петербург вынужден был пойти на крайне непопулярные меры: Симонич и Виткевич были отозваны в Россию, а имевший подписи всех участников трактат о Тройственной коалиции так и не получил визу российской стороны. Но не все в политике заканчивается однозначно. Активная и позитивная дипломатическая работа российских представителей на Среднем Востоке стала базой, которая позднее (в середине столетия) помогла России более целенаправленно реализовывать свои военно-политические и экономические замыслы в Центральной Азии.

Последующие события развивались для Российской империи весьма драматично. Направленный вместо Симонича в Тегеран генерал-майор А.О. Дюгамель в качестве главной своей инструкции получил требование не вмешиваться во внутренние дела Персии и жить «в самом добром согласии с английской миссией»¹⁸. Любые уступки России воспринимались в Лондоне как признак слабости. Даже раскол в британском правительстве, когда премьер лорд Мельбурн прямо выступал против агрессивной позиции министра иностранных дел лорда Пальмерстона, не мог сыграть на руку Петербургу¹⁹. Глава кабинета не имел власти над внешней политикой государства. Пытавшийся хоть как-то повлиять на агрессивные действия Лондона российский посол граф Поццо-ди-Борго стремился донести до Петербурга реальное положение вещей в британской дипломатии. Но был за это отставлен со своего поста.

Трагическая гибель Я.В. Виткевича в Петербурге 9 мая 1839 г. поставила символический крест на идее Тройственной коалиции. Остается только гадать, кому это было выгодно.

Гератский конфликт, безусловно, выявил противоречия региональных международных отношений, но позволил России решить ряд внешнеполитических задач. Российской империи удалось поддержать тенденцию к военному сотрудничеству с Персией, обеспечить свое военное присутствие у южного берега Каспийского моря. Гератский кризис четко проявил проиранскую позицию России, показав враждебную политику в отношении него со стороны Лондона. Он превратил Россию в посредника в англо-иранских отношениях, фактически изменив роль нашей страны по сравнению с той, которую она играла здесь в первой трети XIX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ахмеджанов Г.А. Гератский вопрос в XIX веке. Ташкент: Фан, 1971; Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856-1857 гг. М.: Изд-во вост. лит., 1959; Попов А.Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм // Исторические записки. 1940. №7. С.182-235; Сухоруков С.А. Иран: между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб.: Алетейя, 2009.
- ² Ниязатов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С.313-389.
- ³ Там же. С.317.
- ⁴ Там же. С.321.
- ⁵ Покровский М.Н., Геллер М.Я. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сб. статей. Lnd.: Overseas Publications Interchange, 1991. С.138.
- ⁶ Южаков С.Н. Афганистан и сопредельные страны. Политико-исторический очерк. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1885. С.36.
- ⁷ Ниязатов М. Указ. соч. С.327, 328.
- ⁸ Южаков С.Н. Указ. соч. С.177.
- ⁹ История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Мысль, 1982. С.143.
- ¹⁰ Нейманн К.Ф. Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах. М.: Тип. В. Готье, 1848. С.32-34.
- ¹¹ Гуревич Н.М. Внешняя торговля Афганистана до Второй мировой войны. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1959. С.105; Покровский М.Н. Указ. соч. С.202; История Афганистана... С.143-144.
- ¹² Бларамберг И.Ф. Воспоминания М.: Гл. ред. вост. лит., 1978. С.114-128.
- ¹³ История Афганистана... С.144-145.
- ¹⁴ Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра / Пер. с фр. М.: Наука, 1967. С.164.
- ¹⁵ Там же. С.17.
- ¹⁶ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными держава-

- ми. Т.12: Трактаты с Англией. 1832-1895. СПб.: Тип. Мин. путей сообщения, 1898. С.75-79.
- ¹⁷ Там же. С.78-79.
- ¹⁸ Дюгамель А.О. Автобиография // Русский архив. 1885. №5. С.84.
- ¹⁹ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С.81.

THE BRITISH-RUSSIAN OPPOSITION IN THE MIDDLE EAST AS THE REACTION TO ATTEMPT THE GEOSTRATEGIC STRENGTHENING OF RUSSIA IN THE REGION IN 1830th

© 2017 D.V. Vasilyev¹, S.D. Vasilyev²

¹ Russian Academy of Business, Moscow

² St. Petersburg State University

The article considers the geopolitical role of Herat in the context of international relations in the Middle East, and the analysis of the dynamic of political relations between the countries which participated in the first Herat conflict. The authors reveal the influence of Russia and Great Britain on the formation of the Iranian foreign policy course. Particular attention is paid to the peacekeeping mission of Jan Witkiewicz aimed at forming a tripartite coalition of Iran, Afghanistan and Herat. It could for some time postpone the aggravation of interstate contradictions, in general, and the relations between Britain and Russia, in particular. The Herat crisis turned Russia into an intermediary in Anglo-Iranian relations, in fact changed the role of our country in comparison with the one it played in the first third of the XIX century.

Keywords: Russian-Iranian relations, Herat crisis, East India, Afghanistan, Middle East, Dost Mohammed Khan, Ya.V. Vitkevich, I.O. Simonych.